

СИМВОЛИЗМ И ТЕХНОЛОГИИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.20>

UDC 902+811.1
LBC 63.3

Submitted: 28.03.2020
Accepted: 24.06.2020

REFLECTION OF SOLAR SYMBOLISM IN THE BURIAL RITE OF THE KEMI OBA CULTURE: CASE STUDY OF THE GRAVE CIST PAINTING FROM KOYASH VILLAGE

Iuliia V. Kozhukhovskaia

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article focuses on the analysis of solar elements in the burial rite of the Kemi Oba culture of the Early Bronze Age. *Methods and materials.* The material draws attention to the painting of the grave cist from Koyash (Vodnoye) village that presents a set of mythopoetic schemes and plots, their interpretation proceeds from the processes of comprehension of the outside world. *Analysis.* The paper identifies the ideograms on the basis of the painting of the grave cist under study: the circle with a dot in its center, the concentric circle, the triangle. The burial rite of the Kemi Oba culture focuses on the conceptualization of the afterlife in terms of observations of the solar nature, which is consistent with the prevailing Indo-European concepts of the Bronze Age. The sign of the concentric circle in the Kemi Oba culture appears as a solar symbol based on the analogies in the Indo-European mythology. The ideogram is part of the plot with dynamic character, and participates in the mythopoetic scheme based on the dichotomies: up – down, this life – afterlife in the context of the Axis Mundi idea. Four suns as part of the plot of the painted cist demonstrate the non-static solar nature, its four states, and, consequently, suggests the solar myth that has a spatio-temporal realization. *Results.* The cosmological picture of the world of the Kemi-Oba people includes the processes of categorization of the environment objectified through the fragmentation of the path of the sun, i.e. duality and quaternary.

Key words: Kemi Oba culture, Bronze Age, painting of grave cists, solar symbol, solar myth, Indo-European studies.

Citation. Kozhukhovskaia I.V. Reflection of Solar Symbolism in the Burial Rite of the Kemi Oba Culture: Case Study of the Grave Cist Painting from Koyash Village. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 4, pp. 300-314. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.20>

ОТРАЖЕНИЕ СОЛЯРНОГО СИМВОЛИЗМА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ КЕМИ-ОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ: НА МАТЕРИАЛЕ РОСПИСИ КАМЕННОГО ЯЩИКА ИЗ с. КОЯШ

Юлия Витальевна Кожуховская

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена выделению солярных элементов в погребальном обряде кеми-обинской культуры (эпоха ранней бронзы). Материалом для анализа является роспись северо-восточной стенки каменного ящика из с. Кояш (Водное), которая демонстрирует набор мифопоэтических схем и сюжетов, семантика которых исходит из когнитивных процессов, нацеленных на осмысление явлений внешнего мира. В статье рассматривается ряд идеограмм, выделенных в росписи рассматриваемого ящика: круг с точкой в центре (установлен универсальный характер знака), концентрический круг (с индоевропейскими истоками), треугольник, а также волны, вкрапления, насечки. Погребальный обряд кеми-обинской культуры фокусируется на концептуализации загробной участи души на основе наблюдений за взаимосвязанными с солнцем явлениями, что согласуется с индоевропейской направленностью эпохи бронзы в целом. Знак концентрического круга в кеми-обинской культуре раскрывается как солярный символ, исходя из аналогий в индоевропейской мифологии. Данная идеограмма вписана в контекст сюжета, который имеет динамический характер, и участвует в мифопоэтической схеме, основывающейся на дихотомии верх / низ, этот / загробный (перевернутый) мир, в основе которого лежит идея оси Axis Mundi. Четыре солнца как часть сюжета росписного ящика демонстрируют нестатичную природу солнца (как воплощения макрокосма) – четыре его состояния, и, соответственно, предполагает солярный сюжет, разворачивающийся во времени и пространстве. Следовательно, космологическая картина мира представителей кеми-обинской культуры включает процессы категоризации сознанием явлений окружающей среды, выраженные через дробление пути солнца: в первую очередь через двоичность и четверичность.

Ключевые слова: кеми-обинская культура, эпоха бронзы, роспись каменных ящиков, солярный символ, солярный миф, индоевропеистика.

Цитирование. Кожуховская Ю. В. Отражение солярного символизма в погребальном обряде кеми-обинской культуры: на материале росписи каменного ящика из с. Кояш // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 4. – С. 300–314. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.20>

Введение. В современных исследованиях все больше внимания уделяется семиотическому аспекту жизнедеятельности культур эпохи бронзы. Вопрос наличия знаковой системы у населения Понто-Каспийских степей был впервые затронут в 1907 г. В.А. Городцовым и впоследствии в 1953 г. А.А. Формозовым в статье «Сосуды срубной культуры с загадочными знаками» [14]. В настоящее время наиболее разработанным является исследование знаковой системы срубной культуры. Данной тематике посвящены статьи В.В. Отрощенко, А.А. Формозова, В.В. Цимиданова, К.В. Горбенко, Р.А. Козленко, Г.М. Бурова и ряд отдельных работ. Так, в монографии «Сосуды со знаками срубной общности

эпохи поздней бронзы» Е.Ю. Захарова [5] выделила три типа знаков в рассматриваемой культуре: наглядно-изобразительные (пиктограммы), символические (идеограммы) и мнемонические (сигналы) и пришла к выводу о соответствии мифологических сюжетов срубной культуры индоевропейской традиции. В эпоху средней бронзы, предшествовавшей срубной культуре, знаки и орнамент катакомбной культуры рассматривали С.Ж. Пустовалов (ингульская культура), С.Н. Санжаров.

В эпоху ранней бронзы (ямная культурно-историческая общность) орнаментация керамических изделий прослеживается слабо, погребения совершались в ямах. На этом фоне погребальные сооружения кеми-обинс-

кой культуры представлены в основном каменными ящиками, которые часто украшены ярким выразительным орнаментом, использованием знаков и полихромной росписи. Внутренние стенки расписаны более чем в половине случаев [7]. Данный тип погребений известен с XIX в. из раскопок Н.И. Романченко (1890), Н.И. Веселовского (1890, 1895), Ю.А. Кулаковского (1896) [15, с. 14], Н.П. Кондакова (1876), А.А. Спицына (1899). П.Н. Шульц в докладе, прочитанном на Пленуме ИИМК АН СССР в апреле 1955 г., объединил известные памятники под названием «культура ящичных погребений» и поставил вопрос: «Можно ли объединить каменные ящики эпохи бронзы в Крыму в особую археологическую культуру?» [15, с. 12–15]. Вопрос размежевания ямной и кеми-обинской культуры до сих пор является актуальным [8, с. 49]. Если один из первых исследователей погребений в каменных ящиках Ю.А. Кулаковский на основе имеющегося материала определял их как принадлежащие ямному населению [9, с. 162, 163], то работы А.А. Щепинского [16; 17] нацелены на обоснование самостоятельности культуры, получившей название кеми-обинской. Исследователь также обратил внимание на изучение солярных символов эпохи бронзы и раннего железа, рассмотренных в заметке «Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма» [18].

Зависимость жизнедеятельности доисторических обществ от обращения солнца и взаимосвязанных с ним явлений неоднократно подчеркивалась в публикациях [34, р. 22]; данный феномен не мог не отразиться в обрядовой практике. Тем не менее графема круга далеко не всегда является солярным знаком. Почти все символы Передней Азии и Европы возникли в среде раннеземледельческих культур [3, с. 243], соответственно, древняя символика представляет собой наложение мотивов и сюжетов различного этнокультурного происхождения, которые относятся к разным историческим периодам [3, с. 243], что является предпосылкой для изучения знаков во взаимосвязи с конкретной культурой и эпохой. Возникает вопрос выявления аспектов солярного символизма, сложившихся в результате процессов семантических наслоений, и их отражения в ритуале.

Методы и материалы. Существуют три подхода в интерпретации орнамента: технико-технологический (способы и техники его нанесения), искусствоведческий и семантический (которые проводятся в рамках историко-культурного подхода) [10]. В настоящей статье рассматривается сюжет росписи, нанесенной на северо-восточную внутреннюю стенку каменного ящика из с. Кояш (Водное) (рис. 1), в русле семантического анализа. Каменный ящик исследован Н. Романченко в 1890 г. в Симферопольском районе Крыма. Ящик, состоявший из четырех плит и перекрытый тремя плитами, был поставлен на поверхность земли; стены склепа «сложены из громадных плит», «великолепно обтесанных, внутренние стороны которых были покрыты живописью» [12, с. 71]. Геометрический орнамент росписи выполнен коричневой и черной краской (последняя преобладает); инвентарь включал бронзовый нож (курган был разграблен); наряду с этим костяк разрушен, кости окрашены охрой [12, с. 71–74]. На основе листовидной формы ножа (нож плоский, со слабым утолщением в центре) погребение датируется позднеямным временем. Период сооружения каменного ящика обуславливает интерпретацию росписи в рамках культа солнца. Целью статьи стало выявление особенностей объективизации солярного символизма в погребальном обряде кеми-обинской культуры.

Знаки можно классифицировать на универсальные, присущие несвязанным друг с другом культурам, и этноспецифические, сформировавшиеся под влиянием условий в конкретной культуре. Примером универсального характера солярного знака является графема круга с точкой в центре как обозначение солнца – идеограмма, основанная на физических характеристиках светила, идентифицируемая в знаковых системах по всему миру. В то же время семиотика круга варьируется в зависимости от природных условий и типа этносоциума, то есть способов интерпретации природных условий этносом, что обуславливает рассмотрение графемы в рамках индоевропейской культуры.

В исследованиях отмечается постепенная трансформация круговых и спиральных узоров в искусстве в раннее иероглифическое

письмо [44, р. 16–24], что согласуется с гипотезой Гельба об однонаправленном развитии письма. Она предполагает однонаправленный процесс эволюции письма (unidirectional development), представленного в трех этапах: рисуночное письмо → слоговое письмо → алфавит [13, с. 23]. В рамках данной гипотезы символы кеми-обинской культуры, используемые в обряде, знаменовали этап преобразования ритуальных объектов в отдельные семантические единицы.

Следовательно, знаковая система кеми-обинской культуры в эпоху ранней бронзы все еще пребывала на этапе магическо-ритуальной функции. Знаки, очевидно, имели сакрально-религиозный характер и по аналогии с ранним этапом становления скандинаво-германских рун (на основе которых впоследствии сформировалась полноценная письменность) были средством связи с «верхним миром», в первую очередь выполняя защитную функцию для человека и социума.

Классификацию семантики круга как идеограммы (то есть знака, графически отображающего символизируемое явление и смежные понятия) можно разделить на два основных типа: на связанную с солярным символизмом (эпоха бронзы) и относящуюся к символике культа земли (эпоха неолита).

1. Круг, не связанный с солярностью. Наиболее ранние свидетельства обращения к кругу в обрядовом символизме не связаны с его солярной природой, несмотря на зрительное сходство графем с солярными явлениями или элементами транспортных средств как символами солнца. Известны неолитические графемы, напоминающие колесо со спицами, а также штурвальное колесо во времена, предшествовавшие их изобретению [3, с. 23, 268, рис. 32.1–2]. Неолитический символизм обладает следующей семиотикой.

1.1. Небо-земля. В эпоху неолита круг, как правило, символизировал небо или землю в соответствии с земледельческим культом. При этом два круга или полукруга символизируют пару знаков неба или земли, перешедшую впоследствии в символизм двух состояний солнца в эпоху бронзы [3, с. 35]. В эпоху бронзы семантика круга как неба получает развитие. Так, в окуневской культуре кузов четырехколесной знаменской повозки с дугооб-

разной крышей интерпретирован как моделирующий представления о форме небосвода, тезис, аргументированный отождествлением крыши повозки и неба в текстах Ригведы (РВ, X, 85:10) [4, с. 31]. Данный феномен свидетельствует о сохранении, переходе и последующей трансформации символики предшествующего культурного слоя в общество эпохи бронзы (учитывая, что повозка была изобретением эпохи бронзы).

1.2. Лунарность и другие астрономические явления. Якутская мифология (народ саха) представляет собой пример совмещения символизма круга как воплощения небесной сферы, солярности, лунарности и символики других светил [2, с. 52; 11, с. 52]. В эпоху бронзы наскальные изображения окуневской культуры, по предположению Ю.Н. Есина, демонстрируют дифференциацию круга с точкой в центре как символа солнца и круга с двумя симметричными дугами внутри – как символа луны (оба варианта являются колесами повозки) [4, с. 31], что демонстрирует допустимость девиации значений от солярной символики.

2. Солярный символизм круга.

2.1. Солнце-колесо. Общепринятым является мнение, что колесо является воплощением солярного принципа, присущего эпохе бронзы, и имеет индоевропейский характер [1; 26, р. 124; 28; 32, р. 74; 46, р. 105]. По некоторым свидетельствам, именно круговой орнамент стал предпосылкой для изобретения колеса [44]. Данный знак изображался на лодке или на повозке, что соответствовало мифологическим представлениям о том, что солнце едет на ладье или на колеснице [3, с. 23]. Многочисленные подтверждения этому можно найти в Ригведе и других источниках, а также в знаковых системах и в обрядовых предметах (повозка из Трундхольма, сосуд из Брончице и др.). Графически чаще всего обозначался как крест, вписанный в круг.

2.2. Солнце-глаз. «Всевидение» свойственно верхнему миру и, соответственно, может относиться и к небу, и к пространству, и к солнцу. Глаза у неба выявляют более ранние слои концептуализации. Гесиод предупреждает об оке Зевса, который видит и замечает все, но в «Илиаде» уже Солнце – видит и слышит все, именно по этой причине оба божества являются свидетелями клятв [45, р. 171]. М.Л. Уэст выделяет

глаз у Солнца на основе греческих, авестийских, ведических и других контекстов [45, р. 198–199]. Графически данный символизм закрепился в круге с точкой в центре.

Следует также отметить распространение солярного символизма в мегалитических культурах неолита: например, пиктограмма солнца засвидетельствована на стеле из Granja de Toricuelo, на антропоморфной стеле из Petit-Chasseur и других памятниках.

Анализ. Рассматриваемый в данной статье сюжет содержит четыре концентрических круга с точкой в центре и основывается на мифологической дихотомии «верх / низ»: круг включен в треугольник (или полуромб) и отделяется полосой от своего зеркального отражения в вертикальной проекции. В соответствии с отчетом Н. Романченко [12, с. 72] данная полоса кирпичного цвета «обходит всю внутреннюю поверхность гробницы», таким образом разделяя сюжет пополам; семь кривых линий попеременно окрашены в коричневый и черный цвет. Изображение динамично: далее справа в горизонтальном направлении круг располагается уже вне треугольника-полуромба (рис. 1). Знаковым является изображение солнц на северо-восточной стенке, ориентированной на точку восхода. На торцовой ЮВ стенке изображен крест, на торцовой СЗ – ромб, на ЮЗ стенке рисунок не сохранился, но, как следует из текста Н. Романченко, он был аналогичен рисунку, изображенному на противоположной СВ плите.

Зеркальное отражение в ритуале, в том числе в наскальном искусстве, во многих случаях соотносится с представлением о двойном божестве или о божествах-антиподах, которое проходит через палеолит, мезолит, неолит, эпоху бронзы [3, с. 140], как правило, принадлежащие одно – верхнему миру, другое – нижнему. Символизм двух миров, в свою очередь, является частью модели оси Axis Mundi, воплощенной в ряде символов (в зависимости от культуры): космической реке, космической горе, столбе и Мировом древе.

В эпоху бронзы Мировое древо становится центром времени и пространства, жизни и смерти и заключает в себе все части света [36, р. 4]. В связи со свойственным эпохе бронзы смещением фокуса на солярном символиз-

ме происходит вплетение последнего в сюжеты Мирового древа. Совмещение этих двух символов связывается в отдельных исследованиях с солнечными часами [39, р. 258–259]. В латвийских и индийских мифах тень древа видоизменяется в зависимости от нахождения солнца [35; 42, р. 182], и солнце, таким образом, спускается вниз по Мировому древу [24, р. 232; 27, р. 313–319], в то время как в полдень вершина древа соприкасается с зенитом [39, р. 259].

Из данной космологической модели следует солярный мотив, включенный в дихотомию верхний мир / нижний мир. На материале Древнего Египта А. Швайцер [43] соотносит архетипический вопрос: «Что происходит с солнцем после заката?» с осмыслением жизни после смерти, соответственно приравнивая жизнь в загробном мире с путешествием Солнечного бога. В индоевропейской мифологической системе мотив умирающего и воскресающего солнца проявлен особенно ярко, в частности, в символике лодки, перевозящей солнце [29; 30; 33], колесницы, перевозящей солнце (на основе мифологических сюжетов), и может считаться этноспецифическим, свойственным данной культуре.

Разделение на части, в особенности на две части – параллельно с дуальностью солнечного пути – четко прослеживается в обряде разных ветвей индоевропейских народов. Так, в скифском обряде конские чучела устанавливали на столбах, к которым прикреплялись половинки колес [1, с. 112], ритуал, который соотносится с моделью корреляции солнца и древа-оси, отмеченный выше. С.С. Бессонова приводит сюжетную параллель из нартского осетинского эпоса как наиболее близкого к скифам, в котором Батрадз разрубил пополам Бальсагово колесо, погубившее Сослана (элементы солярного культа), и водрузил в виде памятника на его могиле: одну половину в изголовье, а другую – в ногах [1, с. 112]. Разработанность обряда обуславливается принадлежностью скифов (индоиранская группа) к культурам с выраженным солярным культом. М. Элиаде отмечает точку зенита как «Центр Мира» [23, р. 75], в то время как деление в ритуале происходит именно по точке относительно центра и концентрируется вокруг центра. Более

того, расположение двух частей солнца у головы и ног соответствует структуре верх / низ Оси на уровне микрокосма, а в случае божества (Сослана) – макрокосма. Соответственно, нахождение половин колес на столбе, являющемся воплощением Оси, олицетворяет бинарность космоса на основе солярных представлений.

В графических изображениях дихотомия солярного путешествия отразилась в идеограмме перевернутого солнца-полурозетки (как правило, изображаемого попарно), встречающегося в памятниках повсеместно: европейско-переднеазиатских, древнеегипетских, мексиканских доколумбовой Америки, и символизировало восход и закат – умирающее и воскресающее солнце [3, с. 35, 36]. Однако на изображении круга в кеми-обинской культуре он представлен не в половинчатом варианте, а в цельном, воплощая непосредственно аспект двух солнц: солнца верхнего и солнца нижнего мира.

В наскальном искусстве Скандинавии корабли иногда перевозят два солнца, что наводит на мысль о дневном и ночном солнце, как в повозке из Трудхольма [32, р. 74], в которой золотая и бронзовая стороны обозначают день и ночь соответственно [19, р. 30]. Концепт светлого и «черного», подземного солнц отмечен еще в древнем Египте, у ацтеков и в других культурах [3, с. 132; 6, с. 273; 31, S. 105]. А. Голан [3, с. 132] связывает данный феномен с двумя частями года, например, с делением на теплую и холодную половины года, с моментами солнцестояний или другими явлениями. Осмысление времени и пространства в дальнейшем включает деление на четыре (времени года, стороны света) и двенадцать частей. Очевидно, что отмеченное первичное деление свойственно не исключительно индоевропейцам, а универсально для мифопоэтического сознания.

На реконструированной антропоморфной стеле из Petit-Chasseur [20] солнце изображено вместо лица стелы и расположено над косым крестом, который делит композицию на четыре части (рис. 2). Деление на четыре части распространено и в кеми-обинской культуре: треугольники, обращенные острыми углами в центр, неоднократно встречаются в росписи деревянных и каменных ящиков (рис. 3).

Отмечается вариация мифологических мотивов в связи с ночным путешествием солнца. С концепцией светлой и темной стороны солнца также связано представление о том, что в темное время суток оно не уходит в нижний мир, а поворачивается своей темной стороной, пребывая на небе и становясь невидимым [25, р. 38; 45, р. 209]. Следовательно, кроме представления о двух частях солнца – солнце, поделенном пополам – существуют концепт двух сторон солнца и мифологема двух солнц – верхнего и нижнего мира. К последнему, учитывая графический контекст, относится рассматриваемая в данной статье идеограмма кеми-обинской культуры.

Вместе с тем характер изображения из памятника кеми-обинской культуры представляется динамичным, сюжет развивается через множественное нанесение концентрических кругов. С точки зрения представленности набора когнитивных признаков в данной идеограмме выделяются четыре состояния солнца: 1. Солнце: верхний мир, включенность в ограниченное пространство. 2. Солнце: верхний мир, вне ограниченного пространства. 3. Солнце: нижний мир, включенность в ограниченное пространство. 4. Солнце: нижний мир, вне ограниченного пространства. Следовательно, сюжет развивается и в верхнем, и в нижнем мире.

Динамическое развертывание солярно-осевого мотива происходит в рамках дихотомии порядок / хаос, которая является одним из вариантов бинарности мифологических категорий. В некоторых сюжетах солнечная ладья или повозка в своем путешествии по верхнему и нижнему миру отклоняются от курса, как в случае разбитой колесницы Фазтона. Если мифологема пути Солнца упорядочивает мифопоэтическое пространство, то крушение солнечной колесницы подразумевает опасность для космоса и, следовательно, социума.

Отклонение от курса связано в первую очередь с нижним миром, который графически передается перевернутым изображением. Последнее символизировало смерть [3, с. 35]; в аспекте солярного мифа классическим образцом осмысления смертности-бессмертия солнца является миф о Фазтоне.

Существует несколько подходов к интерпретации данного мифа. Еще Платон [47] об-

ращался к мифу о Фаэтоне, основываясь на символической интерпретации законов движения небесных тел, которые отражали воспоминания о вызванных ими стихийных бедствиях. Однако именно олицетворение заката является общепринятой интерпретацией мифа [21; 40]. В последнем случае символизм Фаэтона предполагает классический солярный мотив. Г. Нэджи [38, р. 223] отмечает параллель между падением Фаэтона в Эридан и падением солнца в Океан на закате и приходит к выводу, что дихотомия Человек / Смертный и Бог / Бессмертный в контексте смерти / возрождения солнца является ключевой в понимании мифа; если Гелиос бессмертен, то Фаэтон воплощает смертность как часть солнечного цикла.

Аналогичная схема солярного мотива, затрагивающая широкий спектр природных явлений, наблюдается в других индоевропейских мифологиях. Балтийская Сауле борется с Диевсом [22], в Ведах в мифе о Раху опасность исходит от бога Солнца Сурьи, символизируя затмение. В других сюжетах прослеживается противостояние Индры и Сурьи, Арджуны и Карны и т. д.

При этом борьба египетского Ра со змеем Апепом демонстрирует универсальный характер данного мотива, который следует из единообразной природы взаимодействия с окружающей средой. В то же время подземная часть путешествия угрожает безопасности Солнца, два сегмента его пути – верхний и нижний – равноценны дихотомии порядок / хаос. Отклонение солнечного пути в нижнем мире приводит к неизменному возрождению Солнца в верхнем мире. В случае древнеегипетского мифа А. Руиз приходит к выводу о воплощении в данном сюжете наблюдений за природой солнечного затмения [41], однако, будучи частью мотива «Вечного возвращения» (выделенного М. Элиаде [23, р. 68]), мифологема может символизировать широкий спектр природных явлений.

Следующей особенностью рассматриваемой росписи кеми-обинской культуры является многослойность кругов, нанесенных вокруг точки во всех четырех случаях. Ряд исследователей связывает подобные графические изображения в других индоевропейских культурах с наблюдением за природой солнца

и сопряженными с ним явлениями. Так называемые концентрические круги распространены повсеместно, например, в Ирландии эпохи ранней бронзы они нанесены на золотых дисках, являясь воплощением солнца [19, р. 33]. Солярный символизм концентрических кругов аргументирован также К. Кристиансенем [32, р. 74], в первую очередь на скандинавском материале. Концентрические круги и точки ведут происхождение из наблюдений солнечной короны, которую видно невооруженным глазом во время солнечного затмения, кроме того, кольцо вокруг солнца можно наблюдать во многих других ситуациях [19, р. 28]. Изображение кеми-обинской культуры объединяет две идеограммы: круг с точкой в центре и концентрические круги. Вместе с тем окружность имеет волнообразные очертания, которые согласовываются с нанесением волн в росписи.

В эпоху бронзы сочетание солнца с водной и морской символикой засвидетельствовано в контексте мотива лодки, которая перевозит солнце по верхнему и нижнему миру. Двоичность данного мотива четко проиллюстрирована в росписи из Королевского кургана Скании (Kungagraven i Kivik) [37]. Роспись была создана в эпоху бронзы, но позже, чем у с. Кояш, однако между ящиками наблюдается типологическое сходство: расписаны их внутренние стенки. Два солнца (перекрещенный круг), обрамленные волной, очевидно, предполагают деление космоса на верхний и нижний мир (рис. 4).

В кеми-обинской культуре графическое изображение солнца также засвидетельствовано в круге, разделенном перекрещивающимися в центре полосами. Принадлежность данной графемы к солярному символизму исходит из многочисленных аналогий в индоевропейских культурах, в первую очередь эпохи бронзы. Среди случаев обращения к данному символу в кеми-обинской культуре А. А. Щепинский [18, с. 229] выделил идеограммы из Симферопольского кургана 10, кургана у с. Долинное, а также из росписи Таш-Аир (рис. 5).

Результаты. Роспись каменного ящика из с. Кояш (Водное) демонстрирует набор мифопоэтических схем и сюжетов, семантика которых исходит из когнитивных про-

цессов, нацеленных на осмысление явлений внешнего мира. Погребальный обряд кеми-обинской культуры фокусируется на концептуализации загробной участи души на основе наблюдений за природой солнца, что согласуется с индоевропейской направленностью эпохи бронзы в целом.

В представленной росписи идентифицируется ряд идеограмм: круг с точкой в центре (установлен универсальный характер знака), кривой концентрический круг (индоевропейский характер), треугольник-полуромб, а также волны, точки, насечки. Знак концентрического круга в кеми-обинской культуре выявляется на основе аналогий из индоевропейских источников как солярный символ. Данная идеограмма вписана в контекст сюжета, который имеет динамический характер, и участвует в мифопоэтической схеме, фор-

мирующейся на дихотомии верх / низ, этот / загробный (перевернутый) мир, в основе которого лежит идея Оси (выраженная в идее Мирового древа и других символах). Дуальность композиции подчеркивает пояс, который является центральной фигурой сюжета и делит его на верхнюю и нижнюю часть. Четыре солнца как часть сюжета расписного ящика демонстрируют нестатичную природу солнца (как воплощения макрокосма) – четыре его состояния, подвижность во времени и, соответственно, предполагает солярный сюжет, разворачивающийся во времени и пространстве. Следовательно, космологическая картина мира кеми-обинской культуры включает процессы категоризации сознанием явлений окружающей среды, выраженные через дробление пути солнца: двоичность, четверичность и другой числовой символизм.

ПРИЛОЖЕНИЕ

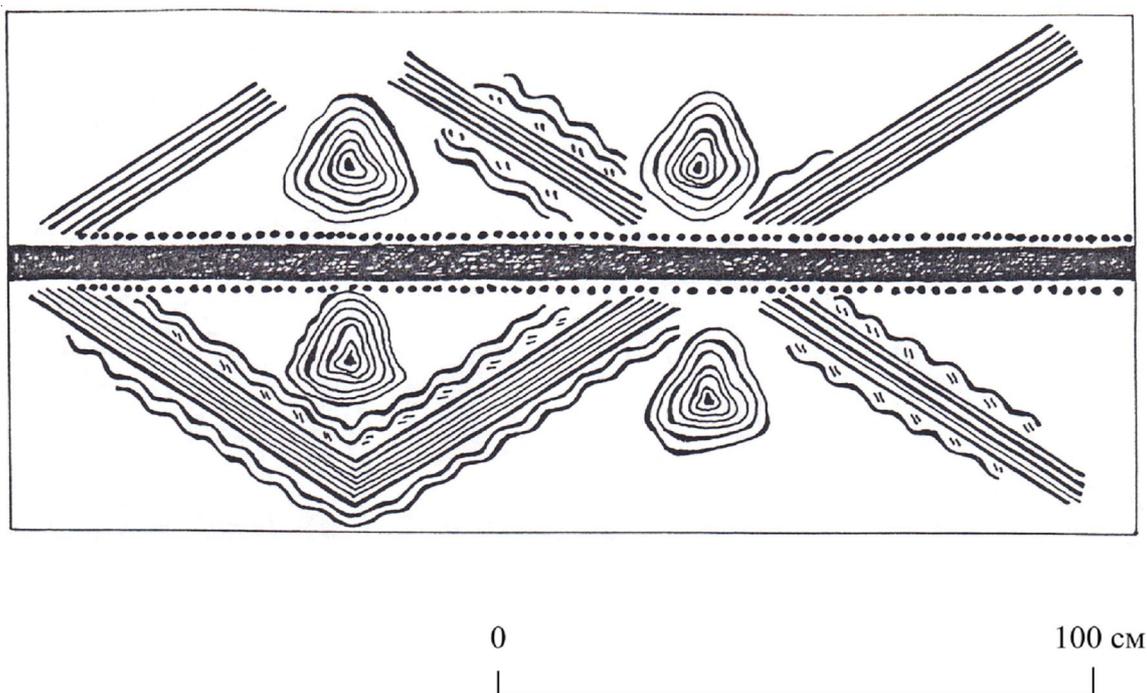

Рис. 1. Роспись северо-восточной внутренней стенки каменного ящика из с. Кояш Симферопольского района (по Н. Романченко, 1891)

Fig. 1. Painting of the north-eastern inner wall of the grave cist from Koyash village, Simferopol district (after N. Romanchenko, 1891)

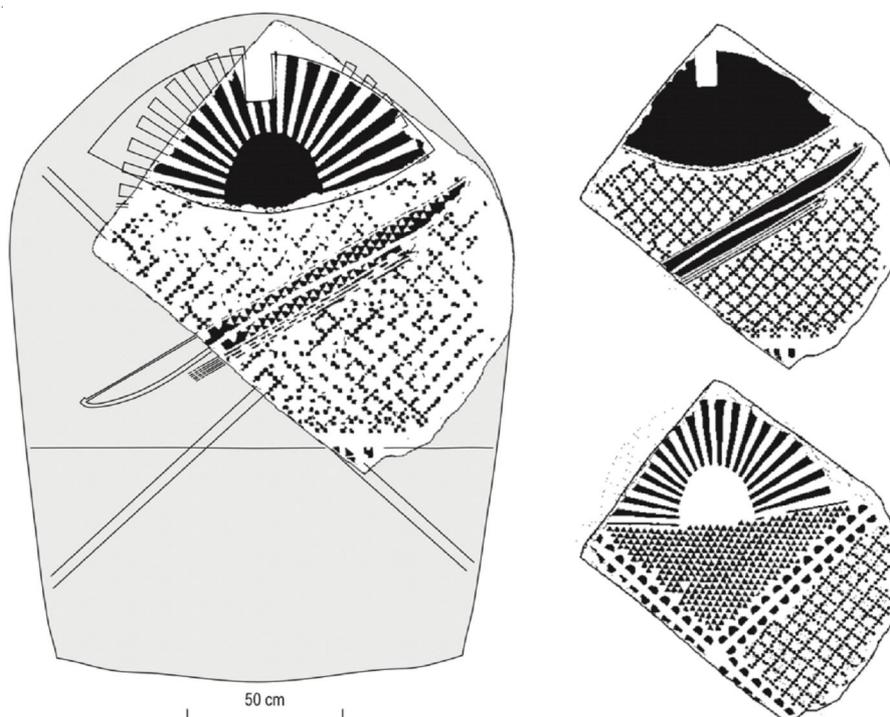

Рис. 2. Реконструированная антропоморфная стела из Petit-Chasseur (по P. Corboud, 2009)

Fig. 2. Reconstruction of the anthropomorphic stele from Petit-Chasseur (after P. Corboud, 2009)

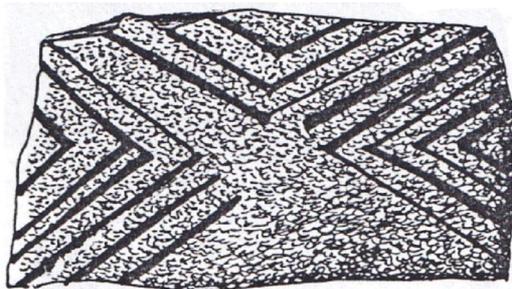

Рис. 3. Характерная роспись кеме-обинских ящичков Крыма (по А.А. Щепинскому, 2002)
Fig. 3. Typical painting of Kemi-Oba grave cists in the Crimean Peninsula (after A.A. Shchepinskiy, 2002)

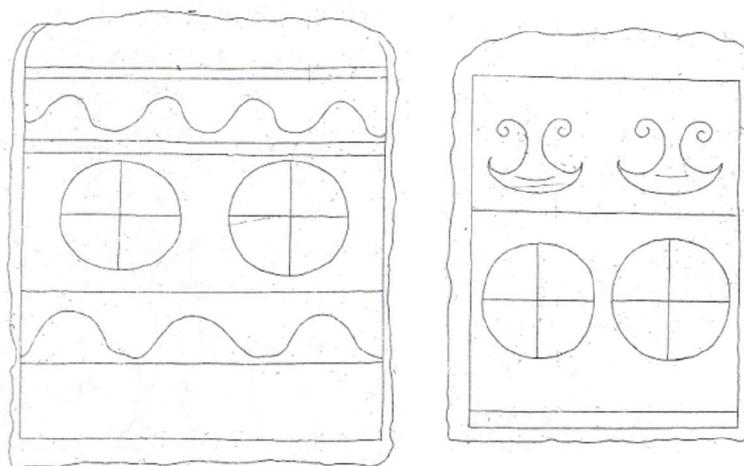

Рис. 4. Роспись внутренних стенок каменного ящика Королевского кургана (Скания)
(по К. Randsborg, 1993)
Fig. 4. Painting of the inner walls of the King's Grave cist (Scania) (after K. Randsborg, 1993)

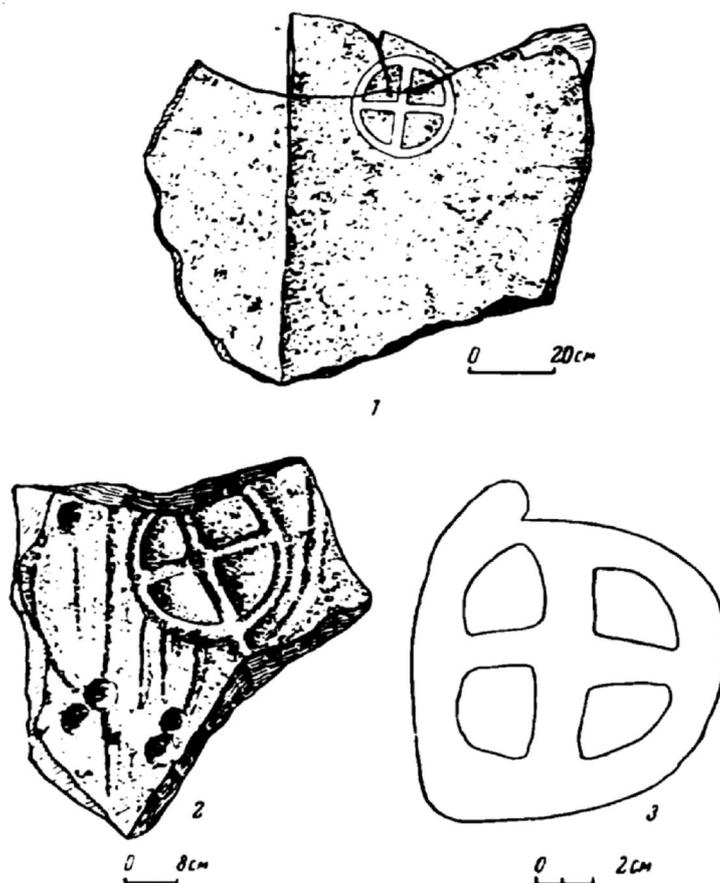

Рис. 5. Солярные изображения перекрещенного круга на памятниках кими-обинской культуры (по А.А. Щепинскому, 1961):

1 – на стенке каменного ящика из с. Долинное; 2 – на стеле из Симферопольского кургана 10;
3 – из росписи Таш-Аир

Fig. 5. Solar cross on the monuments of the Kemi-Oba culture (after A.A. Shchepinskiy, 1961):

1 – on the wall of the grave cist from Dolinnoye village; 2 – on the stele from Simferopol burial mound 10;
3 – from Tash-Air painting

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова, С. С. О скифских повозках / С. С. Бессонова // Древности степной Скифии. – Киев : Наукова думка, 1982. – С. 102–117.
2. Васильев, В. Е. Магический круг в освоенном пространстве: символическое значение и функциональное назначение (на материале народа Саха) / В. Е. Васильев, Н. К. Данилова // Society: Philosophy, History, Culture. – 2018. – № 12. – P. 177–181.
3. Голан, А. Миф и символ / А. Голан. – Иерусалим : Тарбут, 1993. – 372 с.
4. Есин, Ю. Н. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины / Ю. Н. Есин // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2012. – № 3. – С. 14–47.
5. Захарова, Е. Ю. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы / Е. Ю. Захарова. – Воронеж : ЦЧКИ, 2000. – 163 с.
6. Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей : Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1974. – 342 с.
7. Колотухин, В. А. Курган № 1 у с. Долинка и ящичные гробницы раннего бронзового века / В. А. Колотухин // Херсонесский колокол. – Симферополь : Сонат, 2008. – С. 223–242.
8. Копьева, Т. А. Крым в эпоху энеолита и бронзы / Т. А. Копьева // История Крыма. В 2 т. Т. 1. – М. : Кучково поле, 2017. – С. 45–57.
9. Кулаковский, Ю. А. Отчет проф. Ю. А. Кулаковского о его расследованиях в Крыму / Ю. А. Кулаковский // Отчеты Археологической Комиссии за 1896 г. – СПб. : [б. и.], 1898. – С. 159–164.
10. Маслихова, Л. И. Керамика погребений среднедонской катакомбной культуры как исторический источник : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Маслихова Лариса Ивановна. – М., 2006. – 26 с.
11. Романова, Е. Н. Якутский праздник Ысыах: истоки и представления / Е. Н. Романова. – Новосибирск : Наука, 1994. – 159 с.
12. Романченко, Н. Раскопка кургана в д. Кояш Симферопольского уезда Таврической губернии / Н. Романченко // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. – 1891. – № 13. – С. 62–74.
13. Станишич, В. Письмо. Между языком и культурой / В. Станишич. – М. : Мир философии, 2018. – 255 с.
14. Формозов, А. А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками / А. А. Формозов // Вестник древней истории. – 1953. – № 1. – С. 193–199.
15. Шульц, П. Н. Исследования памятников эпохи бронзы в Крыму за 5 лет (1950–1954 гг.) / П. Н. Шульц // Научный архив Института археологии Крыма РАН. – Рукописный фонд. – Оп. 126. – 23 л.
16. Щепинский, А. А. Культуры энеолита и бронзы в Крыму / А. А. Щепинский // Советская археология. – 1966. – № 2. – С. 10–23.
17. Щепинский, А. А. Памятники Кеми-Обинской культуры (Свод археологических источников) / А. А. Щепинский. – Запорожье : [б. и.], 2002. – 340 с.
18. Щепинский, А. А. Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма / А. А. Щепинский // Советская археология. – 1961. – № 2. – С. 227–231.
19. Cahill, M. ‘Here comes the sun....’ Solar symbolism in Early Bronze Age Ireland / M. Cahill // Archaeology Ireland. – 2015. – Vol. 29 (1). – P. 26–33.
20. Corboud, P. Les stèles anthropomorphes de la nécropole néolithique du Petit-Chasseur à Sion (Valais, Suisse) / P. Corboud // Bulletin d’études préhistoriques et archéologiques alpines. – 2009. – Vol. 20. – P. 1–89.
21. Diggle, J. Euripides, Phaethon / J. Diggle. – Cambridge : University Press, 1970. – 243 p.
22. Eliade, M. History of Religious Ideas / M. Eliade. – Chicago : University of Chicago Press, 1988. – Vol. 3. – 367 p.
23. Eliade, M. Images and Symbols. Studies in Religious Symbolism / M. Eliade. – Princeton : Princeton University Press, 1991. – 189 p.
24. Fischer, H. T. Indonesische Paradiesmythe / H. T. Fischer // Zeitschrift für Ethnologie. – 1932. – № 64 (4–6). – P. 204–245.
25. Gershevitch, I. The Avestan Hymn to Mithra / I. Gershevitch. – Cambridge : Cambridge University Press, 1959. – 356 p.
26. Hayden, B. Book Excerpt: How Religion Changed in the Bronze Age / B. Hayden // The Pomegranate. – 2004. – № 6.1. – P. 107–126.
27. Hummel, S. Die Bedeutung der Na-Khi für die Erforschung der tibetischen Kultur / S. Hummel // Monumenta Serica. – 1960. – № 19 (1). – P. 307–334.
28. Inman, T. Ancient Pagan and Modern Christian Symbolism / T. Inman. – N. Y. : J. V. Bouton, 1884. – 147 p.
29. Kaul, F. Ships on Bronzes. A Study in Bronze Age Religion and Iconography / F. Kaul. – Copenhagen : National Museum, 1998. – 168 p.
30. Kaul, F. Social and Religious Perceptions of the Ship in Bronze Age Northern Europe / F. Kaul // The Dover Boat in Context. – Oxford : Oxbow Books, 2004. – P. 122–137.
31. Krickeberg, W. Felsplastik und Felsbilder bei den Kulturvölkern Altamerikas / W. Krickeberg. – Berlin : Palmten-Verlag, 1949. – 260 S.
32. Kristiansen, K. Rock Art and Religion. The Sun Journey in Indo-European Mythology and Bronze Age Rock Art / K. Kristiansen // Adoranten. – 2012. – P. 69–84.
33. Kristiansen, K. The Rise of Bronze Age Society. Travels, Transmissions and Transformations

/K. Kristiansen, T. B. Larsson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 464 p.

34. Kwapinski, M. Prehistoric Astronomy on the Baltic Coast / M. Kwapinski // *ReVision*. – 1997. – Vol. 19, № 3. – P. 22–27.

35. Mannhardt, W. Die lettischen Sonnenmythen / W. Mannhardt // *Zeitschrift für Ethnologie*. – 1875. – № 7. – P. 209–244.

36. Mokhtarian, B. Symbolism of Plant and Bird in Iranian Myths / B. Mokhtarian. – Isfahan : Art University Press, 2008. – P. 1–15.

37. Nagy, G. Greek Mythology and Poetics / G. Nagy. – Ithaca : Cornell University Press, 1990. – 363 p.

38. Randsborg, K. Kivik Archaeology & Iconography / K. Randsborg // *Acta Archaeologica*. – 1993. – Vol. 64 (1). – P. 1–147.

39. Rappenglück, M. A. The World Tree: Categorisation and Reading of an Archaic Cosmographic Concept / M. A. Rappenglück // *Journal of Skyscape Archaeology*. – 2017. – Vol. 3, № 2. – P. 258–259.

40. Robert, C. Die Phaethonsage bei Hesiod / C. Robert // *Hermes*. – 1883. – № 18. – P. 434–441.

41. Ruiz, A. The Spirit of Ancient Egypt / A. Ruiz. – N. Y. : Algora Publishing, 2001. – 292 p.

42. Schwartz, W. Zur indogermanischen Mythologie. I. Der himmlische Lichtbaum in Sage und Cultus / W. Schwartz // *Zeitschrift für Ethnologie*. – 1881. – № 13. – P. 139–184.

43. Schweizer, A. The Sungod's Journey Through the Netherworld: Reading the Ancient Egyptian Amduat / A. Schweizer. – Ithaca : Cornell University, 2010. – 209 p.

44. Singh, M. A Light That Shines Through Time and Cultures / M. Singh // *UNESCO Courier*. – 1995. – Vol. 48, № 1. – P. 16–24.

45. West, M. L. Indo-European Poetry and Myth / M. L. West. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 525 p.

46. Winther, J. J. Carts and Wagons on Scandinavian Rock Carving Sites / J. J. Winther // *Adoranten*. – 2011. – P. 95–107.

47. Zeyl D., Sattler B. Plato's Timaeus. The Stanford Encyclopedia of Philosophy / D. Zeyl, B. Sattler. – Electronic text data. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/plato-timaeus> (date of access: 01.08.2019). – Tittle from screen.

REFERENCES

1. Bessonova S.S. O skifskikh povozkakh [On Scythian Wagons]. *Drevnosti stepnoy Skifii* [Antiquities of Steppe Scythia]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1982, pp. 102–117.

2. Vasilev V.E., Danilova N.K. Magicheskiy krug v osvoennom prostranstve: simvolicheskoe znachenie i funktsionalnoe naznachenie (na materiale naroda Sakha) [Magic Circle in the Developed Space: Symbolic Meaning and Functional Purpose (The Case Study of the Sakha People)]. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2018, no. 12, pp. 177–181.

3. Golan A. *Mif i simvol* [Myth and Symbol]. Jerusalem, Tarbut Publ., 1993. 372 p.

4. Esin Yu.N. Drevneyshie izobrazheniya povozok Minusinskoy kotloviny [The Most Ancient Images of the Wagons of the Minusinsk Basin]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Scientific Review of Sayano-Altai], 2012, no. 3, pp. 14–47.

5. Zakharova E.Yu. *Sosudy so znakami srubnoy obshchnosti epokhi pozdney bronzy* [Vessels of Srubnaya Culture with Signs of the Late Bronze Age]. Voronezh, TsChKI, 2000. 163 p.

6. Ivanov V.V., Toporov V.N. *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey: Leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov* [Research in the Field of Slavic Antiquities: Lexical and Phraseological Questions of the Reconstruction of Texts]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 342 p.

7. Kolotukhin V.A. Kurgan № 1 u s. Dolinka i yashchichnye grobnitsy rannego bronzovogo veka [Kurgan № 1 Around the Village Dolinka and Grave Cists of the Early Bronze Age]. *Khersonesskiy kolokol* [Chersonese Bell]. Simferopol, Sonat Publ., 2008, pp. 223–242.

8. Kopyeva T.A. Krym v epokhu eneolita i bronzy [The Crimea in the Eneolithic and Bronze Ages]. *Istoriya Kryma v 2 t. T. 1* [History of the Crimea in 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2017, pp. 45–57.

9. Kulakovskiy Yu.A. Otchet prof. Yu.A. Kulakovskogo o ego rassledovaniyakh v Krymu [Report by Professor Yu.A. Kulakovskiy on His Investigations in the Crimea]. *Otchet Arkheologicheskoy Komissii za 1896 g.* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1896]. Saint Petersburg, [s.n.], 1898, pp. 159–164.

10. Maslikhova L.I. *Keramika pogrebeniy srednedonskoy katakombnoy kultury kak istoricheskiy istochnik: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Ceramics of Burials of the Middle Don Catacomb Culture as a Historical Source. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 2006. 26 p.

11. Romanova E.N. *Yakutskiy prazdnik Ysyakh: istoki i predstavleniya* [Yakut Ysyakh Holiday: Origins and Ideas]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994. 159 p.

12. Romanchenko N. Raskopka kurgana v d. Koyash Simferopolskogo uезда Tavricheskoy gubernii [Excavation of a Burial Mound in the Village Koyash, Simferopol District of Tauride Province]. *Izvestiya Tavricheskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii*

[Proceedings of Taurida Scientific Archival Commission], 1891, no. 13, pp. 62-74.

13. Stanishich V. *Pismo. Mezhdru yazykom i kulturoy* [Writing. Between Language and Culture]. Moscow, Mir filosofii Publ., 2018. 255 p.

14. Formozov A.A. Sosudy srubnoy kultury s zagadochnymi znakami [Srubnaya Culture Vessels with Mysterious Signs]. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History], 1953, no. 1, pp. 193-199.

15. Shults P. N. Issledovaniya pamyatnikov epokhi bronzy v Krymu za 5 let (1950–1954) [Research of the Bronze Age Monuments in the Crimea for 5 Years (1950–1954)]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAN* [Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS], handwritten fund, Op. 126. 23 l.

16. Shchepinskiy A.A. Kultury eneolita i bronzy v Krymu [Cultures of Eneolith and Bronze Ages in the Crimea]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1966, no. 2, pp. 10-23.

17. Shchepinskiy A.A. *Pamyatniki Kemi-Obinskoy kultury (Svod arkheologicheskikh istochnikov)* [Monuments of the Kemi-Oba Culture (Corpus of Archaeological Sources)]. Zaporozhye, [s. n.], 2002. 340 p.

18. Shchepinskiy A.A. Solyarnye izobrazheniya epokhi bronzy iz Kryma [Solar Paintings of the Bronze Age from the Crimea]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1961, no. 2, pp. 227-231.

19. Cahill M. 'Here Comes the Sun...' Solar Symbolism in Early Bronze Age Ireland. *Archaeology Ireland*, 2015, no. 29 (1), pp. 26-33.

20. Corboud P. Les stèles anthropomorphes de la nécropole néolithique du Petit-Chasseur à Sion (Valais, Suisse). *Bulletin d'études préhistoriques et archéologiques alpines*, 2009, vol. 20, pp. 1-89.

21. Diggle J. *Euripides, Phaethon*. Cambridge, University Press, 1970. 243 p.

22. Eliade M. *History of Religious Ideas*. Chicago, University of Chicago Press, 1988, vol. 3. 367 p.

23. Eliade M. *Images and Symbols. Studies in Religious Symbolism*. Princeton, Princeton University Press, 1991. 189 p.

24. Fischer H.T. Indonesische Paradiesmythe. *Zeitschrift für Ethnologie*, 1932, no. 64 (4-6), pp. 204-245.

25. Gershevitch I. *The Avestan Hymn to Mithra*. Cambridge, Cambridge University Press, 1959. 356 p.

26. Hayden B. Book Excerpt: How Religion Changed in the Bronze Age. *The Pomegranate*, 2004, no. 6.1, pp. 107-126.

27. Hummel S. Die Bedeutung der Na-Khi für die Erforschung der tibetischen Kultur. *Monumenta Serica*, 1960, no. 19 (1), pp. 307-334.

28. Inman T. *Ancient Pagan and Modern Christian Symbolism*. New York, J. V. Bouton, 1884. 147 p.

29. Kaul F. *Ships on Bronzes. A Study in Bronze Age Religion and Iconography*. Copenhagen, National Museum, 1998. 168 p.

30. Kaul F. Social and Religious Perceptions of the Ship in Bronze Age Northern Europe. *The Dover Boat in Context*. Oxford, Oxbow Books, 2004, pp. 122-137.

31. Krickeberg W. *Felsplastik und Felsbilder bei den Kulturvölkern Altamerikas*. Berlin, Palmes-Verlag, 1949. 260 S.

32. Kristiansen K. Rock Art and Religion. The Sun Journey in Indo-European Mythology and Bronze Age Rock Art. *Adoranten*, 2012, pp. 69-84.

33. Kristiansen K., Larsson T.B. *The Rise of Bronze Age Society. Travels, Transmissions and Transformations*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 464 p.

34. Kwapinski M. Prehistoric Astronomy on the Baltic Coast. *ReVision*, 1997, vol. 19, no. 3, pp. 22-27.

35. Mannhardt W. Die lettischen Sonnenmythen. *Zeitschrift für Ethnologie*, 1875, no. 7, pp. 209-244.

36. Mokhtarian B. *Symbolism of Plant and Bird in Iranian Myths*. Isfahan, Art University Press, 2008, pp. 1-15.

37. Nagy G. *Greek Mythology and Poetics*. Ithaca, Cornell University Press, 1990. 363 p.

38. Randsborg K. Kivik Archaeology & Iconography. *Acta Archaeologica*, 1993, vol. 64 (1), pp. 1-147.

39. Rappenglück M.A. The World Tree: Categorisation and Reading of an Archaic Cosmographic Concept. *Journal of Skyscape Archaeology*, 2017, vol. 3, no. 2, pp. 258-259.

40. Robert C. Die Phaethonsage bei Hesiod. *Hermes*, 1883, no. 18, pp. 434-441.

41. Ruiz A. *The Spirit of Ancient Egypt*. New York, Algora Publishing, 2001. 292 p.

42. Schwartz W. Zur indogermanischen Mythologie. I. Der himmlische Lichtbaum in Sage und Cultus. *Zeitschrift für Ethnologie*, 1881, no. 13, pp. 139-184.

43. Schweizer A. *The Sungod's Journey Through the Netherworld: Reading the Ancient Egyptian Amduat*. Ithaca, Cornell University, 2010. 209 p.

44. Singh M. A Light That Shines Through Time and Cultures. *UNESCO Courier*, 1995, vol. 48, no. 1, pp. 16-24.

45. West M.L. *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 525 p.

46. Winther J.J. Carts and Wagons on Scandinavian Rock Carving Sites. *Adoranten*, 2011, pp. 95-107.

47. Zeyl D., Sattler B. *Plato's Timaeus. The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/plato-timaeus> (accessed 1 August 2019).

Information About the Author

Iuliia V. Kozhukhovskaia, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Linguodidactics and Foreign Philology Department, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, jv-k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6057-5821>

Информация об авторе

Юлия Витальевна Кожуховская, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингводидактики и зарубежной филологии, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, jv-k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6057-5821>